

Впереди — пустота и дороги,
И леса, и закат, и еще
Запоздалое чувство тревоги,
Заглянувшее через плечо.

Я дрожу под искусственным светом —
Может быть, потому, что кольцом
Обнимает за талию ветер,
С придыханием глядя в лицо.

Буду долго стоять недвижимо
Под белесой иглой фонаря,
Чтобы тьма, проходящая мимо,
Удивившись, вгляделась в меня

И признала — и тронула шалью,
Покрывая мне голову, и
Наградила тоской и печалью
Мои странные сонные дни,

Чтобы вечно грустна и постыла,
Холодна и со всеми врозь...
Ветер мчится на шею к милой —
Но случайно пройдет насквозь.

Капли солнца застили глаза,
Даже если жмурилась от света.
Припадала жадно к небесам
Запивать щебечущее лето.

Холода сапфировой воды
Горлу было мало: мало стыни,
И степной шумящей пустоты,
И горчащей трезвости полыни.

Вытянувшись к небу, стала — храм.
Я искала холода иконы.
Приложилась к мертвенным губам
Каждой яркой точки небосклона.

Купол головы звенел и пел,
Руки были накрест и держали
Горизонта узел и предел
И чужие старые скрижали.

Я взглянула вниз, и вся Земля
Медленно кивнула на удачу...
Грустно засыхали тополя,
В суховеях солнечных маяча.

* * *

по серым страницам огромных сетей —
не тех, что рыбацкая сеть! —
мы бродим, не видевшие кораблей
и моря седую степь,

сменившие их на торфяники, в жар
дымящие смрадом болот
и ждущие, как вороной комиссар
радостно всех подожжет.

и этот огонь не расплавит оков,
он — копоть и черная смоль,
гарант удушения всех городов
от запаха душных неволь.

от мути и омута где-то у ног,
сосущих твой воздух и страх,
бежать бы по пыльным прожилам дорог
с оторванной цепью в руках.

с припаянной твердым припоем губой
к морковной железной губе.
с глазами, текущими грязью одной
от виденного на земле.

ПЫЛЬ

1

На город опускались облака,
И пыльным сном все окна заметало,
И тонкая подошва башмака
Моей ноги уже не согревала.

И, как всегда, размазанная светъ
От солнца за небесной мешковиной
Живое побуждала умереть
И лечь под опадающей осиною.

Стоял октябрь — застыл и все не шел
Обратно, или вправо, или к черту,
К родимому отцу за косогор
Или крупницей воздуха в аорту.

2

Промозглый ветер скреб песком по стенам,
И жуткий вой выламывал виски.
Не важно, *что* о жизни пел Есенин,
Когда он задохнулся от тоски.

Все та же пыль клубилась — под ногами,
Слоилась — над домами, и опять;
Когда земля раздвинется — под нами, —
Ей будет еще много заметать:

Засыпать красный город колоколен,
Сравнять друг с другом реки и мосты, —
Он будет спать, бессмертен и спокоен,
Под светом не искусственной звезды.

И что тогда, что холодно и страшно.
И пусть нам не дожить до седины.
И все равно, *кто именно* бумажный
И плоский наблюдает со стены.

КОВЧЕГ

Будет потоп, будет Ной. Он придет из глуши,
Из тупика у заросшей таежной тропы.
Выйдет он с чашей вина и ее осушит
В память о медной хозяйке упавшей горы.

Он промолчал много сотен прекраснейших лет,
Он подготовился — строил, пилил и строгал,

Силой атланта он тянет его на свет —
Красный ковчег, полыхающий, как коралл:

Он полон крови — и соткан из мощных вен,
Он не дрожит — это жизнь разгоняет пульс,
Он, возведенный из самых надежных стен, —
Знак возрождения, высшее из искусств!

Как величаво горит и зовет за собой!
Как он красив на пленэре убитой Земли!..
Как одиноко стоит и рыдает Ной,
Выдравший свой ковчег из земной груди.

ИСТЕРИКА

По запястью не видно, как в венах бежит вода,
И ее, как насос, ровным пульсом толкает мозг
Через сердце — а если врозь они, то тогда
Тебя мало стегали в детстве хлыстами розг.

Я боюсь утонуть в зазеркалье — смотрю в него
И ищу доказательства жизни в самой себе.
Полоса от тугой горловины сродни метро,
Пригрозившему удущением всей Москве.

Там клокочет и тонко бьется под меловой
Оболочкой моей, обгорающей от луны,
Аксиома того, что я буду еще живой
И не раз донесу до порога ведро воды.

От ударов глухих бесполезных устала грудь,
Износилась одежда, трепещущая в такт.
Дайте два целлофана.
Мне бьющееся завернуть.
Отнести на помойку в холодных сухих руках

И швырнуть со всех сил прямо в шифер от чых-то крыш,
Улетевших намного позже, чем от меня,
И растаять седой Снегурочкой инвалидш
Под тревожным дыханием паники и дня!

Больше стук по ночам не встревожит моих ушей,
На запястье не будет рек вдоль и поперек.
Успокойся.
Закрой свой рот и воды попей.
Отправляйся к приходу гостя домыть порог.

Опять — не автобус, а старая ржавая рухлядь.
 Другой не дают: не положено для дураков.
 От ветра слезятся глаза и уже опухли.
 Водитель пьет кофе и видит остатки снов.

Давайте телегу! Она и родней, и дороже.
 На ней до возможности выжить — трястись и трястись,
 Но чувствовать мир, проводящий рукой по коже,
 И мерзнуть щекой, обалдело смотря ввысь.

Железной змеей перекрыта дорога на город.
 Змея умерла. Не шипит поездами уж.
 Ты сделаешь шаг сквозь нее в неизвестный холод —
 И не обернешься к деревне туманных стуж.

Пусть там старики распрыдают по нитям порядок,
 Считают дома — все подряд по одной стороне, —
 Считают число позабытых дворов и грядок,
 С погоста зовут непомянутых жить к себе.

Грустная малая бежит от костей и хворобы
 До края дороги, ведущей за край всего.
 Она каждый раз прибегает взглянуть строго
 На тех, кто зачем-то бросает ее село.

Она не признает, как хочется с нами однажды
 Шагнуть за змею, и напиться, и утонуть...
 С суровым укором и искрой постыдной жажды
 Она провожает меня, как в последний путь.

Полотно — пустоты и света
 растворившийся купорос.
 Выгорают всегда за лето
 золотые колосья волос.

Без дождей поломать их просто,
 убирать под платок — к чему?
 Пусть растут, и к тоскливым звездам
 я их как-нибудь заплету.

У плотины овраги круче
 поднимаются на погост.
 Набегут воронные тучи —
 там их встречу во весь рост,

упаду в перьевые дюны
 и рассыплюсь на их крыле
 золотыми плетью Перуна
 по холмистой сухой земле.